

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Р.К.П.

Дорогие товарищи,

Мною получено постановление Центрального Комитета 22 марта на основании письменного доклада тов. Зенонцева. По этому поводу считаю необходимыми изложить ниже следующие соображения.

Практически положения, сформулированные комиссией С"езда, не включают в себе чего-либо противоречащего политике военного ведомства, как она вытекает до сих пор с одобрения Ц.К. Нужно лишь указать, что положения сформулированы в иной степени общности, неопределенно и часть из них основана на недоразумениях.

1. Совершенно не указано, в каком направлении произвести реорганизацию Полевого Штаба, и в каком смысле предполагается более тесная связь с фронтами. До сих пор нарекания со стороны фронтов сводились преимущественно к тому, что центральное командование слишком детально вмешивается в операции фронтов.

2. Урегулирование работы Реввоенсовета Республики, которого требует оледующий пункт, также неопределенно. Товарищи, возбуждавшие нарекания в этом смысле, ^{не раз} требовали, чтобы и лично, как председатель Реввоенсовета, не раз"езжал по фронтам, а сидел в центре. Имела ли комиссия С"езда в виду этот способ урегулирования? так ли понимает вопрос Ц.К.?

3. Упорядочение работы Воероглаштаба и усиление в нем представительства партии безусловно желательная мера. По этому вопросу у меня с товарищем Свердловым были неоднократно переговоры. К сожалению мы не могли подобрать для этой работы подходящих партийных работников. В качестве кандидатов тов. Селов называл иногда тов. Смелгу и тов. Ладошину.

4. Совет периодических совещаний ответственных партийных работников фронта, равумеотел, полес

проме
опрос
ась о
спер
го пр
)-до
и в ч
з и пр
ятого
в отп
)-ти
шны
эний
ту.

К.И.

наоборот

2.

330
 ная мера, хотя именно с фронта одновременно отве-
 вать наиболее ответственных партийных работников вря-
 дя возможно, а между тем совещания предполагаются
~~иногда~~ одновременную отлучку наиболее ответственных
работников, - совещания другого типа вряд ли дадут
 практический результат.

5. * Опрос партийных работников фронта о том
 насколько удовлетворительно решен вопрос о форме и
 о знаках отличия командного состава". Этот пункт
 основан на недоразумении. У нас вовсе нет знаков
отличия командного состава. У нас есть знаки отли-
 чия вообще. Один и тот же знак для красногвардейца,
комиссара, командира. Надлежит ли пункт 5-й понять
 так, что знаки отличия сохраняются ^{отдельно} только для лиц
командного состава или же комиссия просто не была
 осведомлена относительно назначения знака отличия.

Несмотря на указанные неясности и очевидные
 недоразумения, перечисленные мною 5 пунктов не за-
 ключают в себе ничего такого, что шло бы в разрез
 со сложившейся военной политикой. То же самое при-
 ходится сказать и относительно 12 пунктов практи-
 ческих мер. Относительно реализации совещаний. Все эти пункты представляют либо про-
 стое подчеркивание уже давно принятых и ^{ли} проводящих-
 ся мер, либо предложения организационных изменений,
 не имеющих отнюдь принципиального характера.

Но все эти практические предложения изложены
 Ц.К. в свете доклада товарища Зиновьева. Этот до-
 клад устанавливает ^{основу} точку зрения на указание выше
 практические предложения и должен как бы определить
 какую-то новую линию поведения.

Товарищ Зиновьев дает оценку оппозиции, как со-
 стоящей из ^{двух} нескольких групп: одна группа - очень зна-
чительная и очень серьезная группа, которая вполне
согласна с нами в вопросе о партизанстве и военных
специалистах, но крайне недовольна нашими отношениями
к коммунистам, работавшим в армии. Товарищ Зиновьев

Водна - это обильная
 и малостоящая груп-
 па; другая -

↓

||

требует каких то радикальных изменений ³²⁵ отношений к коммунистам, работающим в армии и прямо говорит, что "без этого дело вперед не пойдет". Свой доклад он заканчивает словами: "осчастливлю какое встречу мой доклад в Ц.К., дает мне уверенность, что мы скоро дело поправим."

11 4

Я считаю доклад тов. Зиновьева совершенно неправильным, и если доклад этот есть ^{отражением} основой ~~новой~~ новой линии поведения, я вынужден признать тенденцию товарища Зиновьева крайне опасной и представляющей собой ^{самое} просто ослабленное отражение той оппозиции, смысл и содержание которой товарищ Зиновьев не ^{оценил} оценил. Совершенно правильно, что оппозиция состоит из двух групп: выразителем одной является товарищ Оболенский. Это претенциозная партийная интеллигенция, в значительной мере состоящая из обитателей : советских чиновников и из нервных уставших людей. Для второй части оппозиции типичным можно было бы назвать, например, Наквимова и других видных работников, довольно упорных, самостоятельных, но склонных к упрощению всех вопросов для того, чтобы приблизить эти вопросы к уровню уже достигнутого ими политического и иного развития. Оппозиция таких элементов вызывается не классовым пролетарским, а плебейским протестом против "ухаживания" за военными специалистами, против привилегированного положения всяких академиков и пр. и пр. Это политическое настроение не победоносного класса, хозяина и отроителя, а отрывки прежней зависимости, ~~рабства~~ и инстинктивной вражды к олову, который занимал раньше руководящее ^{социальное} положение и приобрел благодаря этому знания и навыки, которых лишены в большинстве своем представители ^{рабочего} индустриального ~~рабочего~~ класса.

Вот где две действительные составные части

опозиции. Разумеется, отношение к ним не может быть одинаково. Систематическая идейная борьба с исторически обусловленными предрассудками известного слоя рабочих-упростителей является задачей огромной важности, тогда как перевоспитание Оболенских и Смирновых не имеет никакого значения с точки зрения дальнейшего развития социалистической революции. Если т. Зиновьев правильно нацеливается ^{самый главный капитал} на ^{два} течения оппозиции, то он явно ошибается; когда голос второй группы считает голосом самой истины и предлагает фактически по этому голосу равняться.

Оппозиция рабочих-упростителей морально не включает в себе ничего отталкивающего, но теоретически так ^{же} ошибочна, практически еще более опасна, чем историческая оппозиция обывательских советских чиновников. Зиновьев называет Ворошилова. Я не стану заниматься индивидуальными психологическими исследованиями насчет того, к какой из групп должны быть приписаны Ворошилов, но отмечу, что единственное, что могу себе поставить в вину по отношению к нему, это слишком долгое именно двух или трехмесячные попытки действовать путем переговоров, увещаний, личных комбинаций там, где в интересах дела нужно было твердое, организационное решение. Ибо в конце концов задача по отношению к 10-й армии состояла не в том, чтобы переубедить Ворошилова, а в том, чтобы в кратчайший срок добиться военных успехов. Оппозиция в общем, в лучшем ^{как и в} случае худшим своим ^{свойством} отражает отрицательные трудности диктатуры ^{народной} переданного внутренне издерганного рабочего класса при малооснаженном, недовольном и бунтующем крестьянстве. Эти трудности мы видим везде. В военной области они получают наиболее сосредоточенный характер. Все нехватки, невязки, все недостатки совет-

ской работн, вся неряшливость советских работников, находят в организме армии свое наиболее концентрированное выражение. А всякое недовольство в армии есть недовольство с оружием в руках. Армия есть организм в высшей степени искусственный, который всегда развивает огромные центробежные тенденции. Если партия, как таковая, может себе позволить известный предел во внутренних разногласиях, дальше которого она распадается; если этот предел допустимых для революционных партий разногласий крайне суживается в эпоху революции, когда партия не готовится к действию, а действует, - то эти допустимые разногласия в армии революционного класса в условиях напряженной беспощадной гражданской войны сводятся к окончательному минимуму. Армия есть искусственный организм, и единство мысли и планов, которое сдерживает этот искусственный организм, должно быть поддержано с твердостью, тем более непримиримой, чем больше, чем разнообразнее, чем жесточе те объективные условия, которые подрывают армию. Лучше иметь на дивизию 10 делегированных партийных коммунистов, чем сто, которые смотрят на армию, как на арену для дискуссий и для всяких групповых экспериментов.

Путь от приказа до исполнения в наших условиях в высшей степени долгий и мучительный путь. Тут должна быть установлена строгая формальная дисциплина, которая в своем внешнем выражении кажется товарищу Зиновьеву, как бы не "товарищеской" ~~потому~~ потому что она не допускает никаких дискуссий, обсуждений, уговоров и не принимает во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств. Именно потому, что я слишком близко наблюдал тяжелые даже трагические эпизоды в действующих армиях, я знаю очень хорошо, как велико искушение

заменить формальную дисциплину так называемой товарищеской, но в то же время я слишком хорошо убедился в том, что такая замена означала бы полное равнодушие армии. Вместе с тем я думаю, что партийная связь коммунистов друг с другом в военной области и претворяется в безусловную и безоговорочную формальную дисциплину.

В 9-й армии был случай, когда два революционных начальников Гузарский и Служко самовольно нарушили приказ и дезорганизовали хорошо задуманную операцию. Я арестовал их обоих. Ко мне пришло 5 коммунистов - комиссаров для объяснения и защиты. Я их предал суду за самовольное оставление постов. Гузарский был расстрелян по постановлению трибунала которому он был передан мною. После этого интригование начальников и комиссаров прекратилось. 9-я армия сразу перешла в наступление. Этот момент был переломным в истории 9-й армии. С точки зрения коммунистических дискуссий и приятельских чаепитий, мое отношение к начальникам дивизии /которые действовали вероятно не по эгоистичным соображениям/, но и к коммунистам - комиссарам было не "товарищеское". Я считал бы однако постыдным малодушным и прямым предательством интересов революции, которые требуют прежде всего победы на фронте, всякое иное поведение в данном случае. Те комиссары, которые оказались объектом таких репрессивных мероприятий, конечно не могли не чувствовать себя задетыми, оскорбленными, обиженными, хотя не сомневаюсь, что, когда наша жестокая работа на фронте будет закончена, они встретятся со мною по товарищески и ретроспективно оправдают принятые мною меры.

Таковы же были те суровые меры, которые приходилось применять в Кавказе в самый тяжелый момент для советской власти. Эти меры и сейчас еще применяются в агитации, как в тридцатых годах левых с.р., так и

и в оправдание свое стали
армии в изгнании
(Командарм Калашников,
п. Пухляк, Глазко, Рук-
Сохайников, Барашков,
ков, Давидович).

наших обобщенных ^{внутри} партийных. Товарищ Зиновьев ^{в своем докладе} ~~объясняет~~ в своем докладе необходимость равноденствия, а не дисциплинарного воздействия. Я этому противопоставляю утверждение: если бы в Реввоенсовете 5-й армии был один твердый товарищ, который в минуту перелома проявил бы власть вместо того, чтобы жалкаться, эта о такой тучной опасной армии не равнялась бы, и добрейшему мягчайшему Ивану Никитичу Фирнову не пришлось бы применять ~~тех~~ суровых репрессий, к которым он вынужден прибегать, судя по его последней телеграмме. Совершенно неверно ~~предъявление~~ товарища Зиновьева, будто бы ~~или~~ группа авторитетных коммунистов, которые брали бы на себя ответственность за политику военного ведомства. Смилга, Лашевич, Сокольников, т.е. те члены Ц.К., которые сейчас работают в военном ведомстве, Гусев, ^{Майорович} Окулов, Аралов, Розенгольц, Кивельштейн, Ходоровский и десятки менее видных работников проводят политику военного ведомства целиком и без всяких видных мыслей. Более влиятельных работников в военном ведомстве нет. Розенгольц и Кивельштейн уезжали на фронт непринципиальными противниками нашей военной системы, — они стали ее убежденными сторонниками. Полгода тому назад идеологическая оппозиция была гораздо шире, многочисленнее, принципиальнее. Я не знаю ни одного случая, когда бы сторонники нашей военной системы становились бы ее противниками, и видел десятки противоположных случаев.

Беда, разумеется, в том, что за это время накопилась огромная усталость, раздраженность, нервозность. Если бы в порядке дня был поставлен продовольственный вопрос, а не военный, то все самое настроенное сказало бы монет быть в еще более нервозной форме. Мы идем навстречу труднейшим

месяцам, напор врага усиливается. ~~Держать агонию~~
 в связи можно только величайшим напряжением, под-
 держивая дисциплину сверху до низу путем самого
 твердого и во многих случаях сурового режима.
 Лоунг оппозиции: "ослабьте гайки"! Я же стою
 на ^{той} точке зрения, что необходимо подвинуть гайки.
 Я не ~~исключаю~~, что рабочий класс и его партия
 это напряжение способны выдержать и выдержат. Ну-
 но только, чтобы в центре партии рабочего класса
 не зарождалась паника и не роднялись по психоло-
 гическим комбинациям ^и ~~Оноких~~ - Ворошиловых. До-
 клад т. Зиновьева внушает серьезнейшие опасения,
 что он ищет решение вопроса именно на пути ослаб-
 ления ~~и~~ ^{покашли} приобщения к уставу извест-
 ных элементов нашей партии. Поскольку ^{дого} Ц.К. одоб-
~~ило~~ доклад т. Зиновьева, я хочу верить, что оно
 одобрило ~~на~~ эту сторону доклада, ибо в противном
 случае я лично не ^{было бы для} ~~было~~ никакой возможности рассчиты-
 вать на успех партии в предстоящей тяжелой борь-
 бе. ~~Поскольку в докладе т. Зиновьева~~ ~~в при-~~
 зана определенная оценка группировок партии и
 намечено, хотя в крайне неопределенной форме
 известное отношение к этим группировкам, я считаю
 своим долгом пред"ложить Ц.К. партии в настоящее
 время ~~свои замечания~~ свое ~~понимание~~ ~~та: не~~ ~~вопросов.~~